УДК 808.2: 807.5(571.1)

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ (на материале говоров Среднего Приобья)

Е.В. Бельская

Томский государственный университет
E-mail: belskaya@rambler.ru

В статье с опорой на методику мотивологического анализа выявлены особенности внутренней формы интенсивного слова как средства выражении семантического основания категории интенсивности.

В современной лексикологии имеют место разные точки зрения относительно критериев выделения средств выражения лексико-семантических категорий. Так, по мнению Н.А. Лукьяновой, лексико-семантическая категория должна иметь специфические формальные признаки выражения. Если каких-либо специфических формальных признаков категория не имеет, то она не может быть признана лексико-семантической, подобный тип категорий следует включить в разряд семантических [1. С. 5]. Иную позицию занимает О.И. Блинова, которая развивает мысль о том, что лексико-семантическая категория необязательно должна характеризоваться специфическими, присущими только ей формальными средствами выражения своего семантического основания, доказывая это следующим фактом: «Если обратиться к формальным признакам морфологических

категорий, много ли мы найдём таких материальных средств, которые обслуживают только одну и никакую другую морфологическую категорию? Наоборот, мы обнаружим, что та или иная морфологическая категория характеризуется как «пёстрым» набором формальных языковых средств, так и полисемией одних и тех же языковых средств» [2. С. 14]. Поэтому, с точки зрения О.И. Блиновой, для выделения той или иной лексико-семантической категории достаточно того, что свойство слова, обобщаемое категорией, имеет «регулярную» языковую, формальную выраженность, или иначе – «регулярные» средства выражения [2. С. 14–15].

Принимая в качестве исходной идею О.И. Блиновой о существовании для одних лексико-семантических категорий основного и единственного средства выражения, например, для лексических категорий мотивированности, образности, метафоричности таким средством выступает внутренняя форма слова (ВФС), а для других – только «регулярных», например, для лексической категории экспрессивности, нами был проанализирован пласт интенсивных лексических единиц говора с. Вершинино (Томского района, Томской области), относящихся к трём частам речи – существительным, прилагательным и глаголам, с целью определения диапазона внутрисловных средств репрезентации семантического основания категории интенсивности. Для решения указанной исследовательской задачи в качестве основного был использован мотивологический подход, отличительную черту которого составляют два таких фактора, как двунаправленность анализа: от звучания слова к его значению и от значения слова к его звучанию, с одной стороны, и учёт показаний языкового сознания, – с другой [3]. Проведённый анализ позволил сделать следующий вывод: средством выражения семантического основания категории интенсивности выступает ВФС, данное средство носит достаточно «регулярный» характер, чтобы признать рассматриваемую категорию лексико-семантической [4–6].

Интенсивность определяется в исследовании как структурно-семантическое свойство слова, семантика которого отражает субъективную качественно-количественную интерпретацию объекта реальной действительности с точки зрения его несоответствия нормативной степени своего проявления, что материализуется в структуре ВФС. На основании обобщения данного свойства слова производится выделение лексико-семантической категории интенсивности.

Цель настоящей статьи – рассмотреть внутреннюю форму (ВФ) интенсивного слова как средство репрезентации семантического основания категории интенсивности, с опорой на методику мотивологического анализа ВФ [7].

Данная методика предполагает анализ ВФ интенсивных слов в следующих аспектах: 1) в плане выявления особенностей мотивационной формы и её сегментов, в частности, уточнения роли мотивирующей и формантной частей в выражении интенсивности; 2) в аспекте выявления специфики мотивационного значения с учётом его взаимодействия с мотивационной формой; 3) в плане определения своеобразия типов ВФ интенсивных лексических единиц.

Объектом изучения в представленной работе выступают интенсивные существительные и прилагательные русских старожильческих говоров Среднего Приобья.

Для ясности последующего изложения остановимся кратко на исходных моментах мотивологического анализа ВФС.

Лексическая теория мотивации базируется на представлении о ВФС (ВФ – это «фоно-семантическая структура слова, позволяющая осознать взаимообусловленность его звучания и значения» [8. С. 16]) как двусторонней сущности, представляющей собой единство формы (мотивационной формы) и содержания (мотивационного значения). Мотивационная форма (МФ) – это значимые сегменты (или сегмент) звуковой оболочки слова, обусловленные его мотивированностью. Мотивационное значение (МЗ) – значение или синтез значений мотивационной формы [3. С. 19]. Выявление характера МФ и МЗ составляет суть мотивологического анализа ВФС.

Рассмотрим структуру ВФ на примере интенсивного существительного жарища. В звуковой оболочке интенсивной лексической единицы жарища вычленяется два сегмента МФ жар[1] и ища на основании соотнесённости данного слова с однокорневыми (жар) и одноструктурными (пылища) образованиями. Последние выявляются с учётом показаний метаязыкового сознания носителей диалекта, демонстрирующих факт осознания лексической единицы как интенсивной: Летом, например, вот когда сильный вот жар, пекёт вот солнышко сильно: «Ох, и жарища» - говорят. «А вот там-то … ох, пылища там, ой-ой-ой». Первый из выделенных сегментов МФ (жар) соответствует мотивирующей части ВФС, демонстрирующей результат лексической мотивированности данного слова. Второй (ища) соответствует формантной части ВФС и является средством выражения структурной мотивированности слова. В результате соотнесения сегментов МФ с сегментами смысла, содержащимися в лексическом значении слова жарища (‘очень высокая температура окружающего воздуха’), формулируется МЗ: ‘сильная жара’.

Особо следует заметить, что описание структуры ВФ интенсивных слов производится ниже с учётом узуальной ВФ. Под узуальной ВФ понимается результат обобщения речевых ВФ, актуализированных в рамках отдельных речевых высказываний [8. С. 17]. Например: в высказывании: Сёдни едака холодина, куды в едакий холод пойдёт кто – актуализована только мотивирующая часть ВФ интенсива холодина, а в высказывании: А сейчас холодина кака! Туфайки надевать надо. А нонче бураны больши были, морозина, буранина как завьюжит получает актуализацию только формантная часть ВФ данного слова. В итоге, узуальная ВФС холодина выглядит таким образом – холод/ина.

[1] Здесь и далее в рассматриваемых примерах жирным шрифтом выделены значимые в плане выражения интенсивности сегменты ВФС.

Необходимо также подчеркнуть, что ключевые особенности ВФ интенсивных слов обусловлены различными типами их мотивированности. В исследовании принимались во внимание морфологический и семантический типы мотивированности, выделяемые в зависимости от средства мотивировки.

Наиболее распространённым для интенсивных существительных и прилагательных является морфологический тип мотивированности, выраженный посредством морфем.

ВФ морфологически мотивированных существительных и прилагательных отличается особой наглядностью в плане выражения интенсивности. МФ таких интенсивных слов членима. В зависимости от количества мотивированных компонентов слова, ВФ морфологически мотивированных интенсивных существительных и прилагательных может быть односегментной, двусегментной и трёхсегментной. Односегментная МФ свойственна полумотивированным интенсивам, актуализирующим в говоре отношения либо только лексической (грязнюка), либо только структурной мотивации (распантюха ‘об очень невнимательном, рассеянном человеке’). Такие лексические единицы крайне немногочисленны. Гораздо большей части морфологически мотивированных интенсивных существительных и прилагательных свойственна двусегментная структура. Двусегментная МФ характерна как для неполностью мотивированных интенсивных лексических единиц (краснотущий), так и для интенсивных лексиеских единиц с полной мотивированностью (зме/юща). Промежуточное положение в количественном отношении занимают интенсивы с трёхсегментной структурой МФ (пре/высок/ущий). В последнем случае все сегменты звуковой оболочки слова, как правило, значимы для носителя языка, поэтому данные слова признаются полностью мотивированными.

Нетрудно заметить, что МФ морфологически мотивированных интенсивных существительных и прилагательных «обнажает» их структуру, разграничивая мотивирующую и формантную части.

Для многих интенсивных существительных и прилагательных зафиксирована полимотивированная мотивирующая часть, имеющая свыше одной мотивирующей единицы. Например, в словах: жарина (мотивирующие единицы: жар, жарко, жарить), болючий (болеть, больно), драчун (драться, подраться, драчливый), мокрота (мокро, мокрый, мочить), тиховатый (тихий, тихо, тихонько, тихоня) и др. Множественность их лексической мотивации становится причиной появления вариантной ВФС.

Значительная часть анализируемых существительных и прилагательных имеет мономотивированную мотивирующую часть. Обычно их мотивирующие части сотносится с лексическим мотиватором той же самой части речи:

а) интенсивное существительное ← существительное. Например, в словах бугрина (бугор), деньжища (деньга), кольчище (кольцо), снежина (снег) и др. О чём свидетельствуют, например, следующие контексты: Бугрина – большой бугор. Бугор, а по краям лога, низкие места, вот тебе и бугрина; Раньше обычай был в угол дома деньги ложить <…> Вдруг увидела – така деньжища лежит; Мужски перстни были толстучи, подчернедью назывались. Тако кольчище – так батюшки мои! Мне бы со вставкой кольцо; «Снежина» говорят: снегу вного езлив, сугробы снегу.

б) интенсивное прилагательное ← прилагательное: вреднущий (вредный), долгучий (долгий), жаднючий (жадный), разгустой (густой), тиховатый (тихий), хитрущий (хитрый), холоднющий (холодный).

Который вредный, вреднущий. «У, гад, как змея», говоришь; Ох, мать-то, а жаднюча – свет не видел, я уж больно жадных не люблю; Она [трава] мелка, густа, разгуста; Хитрущий – когда много хитрый. Есть бабы хитрые.

В ряде случаев мотивирующая часть ВФ интенсивных существительных и прилагательных обнаруживает связь с лексическим мотиватором, принадлежащим другой части речи:

в) интенсивное прилагательное ← глагол. Например: жалючий (жалить), едучий (есть), кусучий (кусать) и др.

Строки – пузырь, такой паук, в углу сеть строчит. Их тут много их, они жалючи, жалят сильно; Извёска как долго стоит, так не ес пальцы, а то дак така едуча; Какие мухи кусучие, злые кусаются прямо, как люди стали.

г) интенсивное прилагательное ← существительное: головастый (голова), горлистый (горло), листоватый (лист) и др.

Голова большая – значит головастый; Горлиста баба – орёт да орёт, горло дерёт; Друга берёза. На ей мало листьев, а на другой – вся в листу, и говорят: вот кака листовата.

Рассмотрение ВФ морфологически мотивированных интенсивных существительных и прилагательных способствует определению круга формантных частей, направленных на выражение интенсивности. Согласно результатам анализа для интенсивных существительных наиболее характерны следующие формантные части: -ина, -ища / -ище, -ота, -ня, -уга/ -юга, -ятина, -ун, -унья, -уля, -уха. Приведём некоторые примеры метатекстовых высказываний диалектоносителей: Когда сильно большой дым, дак, о, кака дымина ли дымища, а жарко – жарина, ну, сёдня жарина дак така на улице, жарища; Холодище – это когда зимой сильно холодно. Дождище – это дождь идёт, идёт; Беготня на него нашла, только бегает <…>. Топотня – топает, топает, бегает, бегает; Бандюга, он ведь такой человек, банду собирает. С ей вместе орудует … пьюга – пьёт он очень много; Вкуснятина – очень вкусно. Приготовят что-нибудь – пальчики оближешь. Вот, говоришь, - вкуснятина какая; Вкуснятина – пондравилось кушать. Ой, какой вкуснятина! Преснятина – хлеб не докис; Если много ворчит кто – ворчун <…>. Муж у меня не любит разговаривать вот молчун; Говорунья – много говорить любит. Ворчунья – ворчит много, и с толком и без толку, всё больше недовольна чем-то; Грязнуля – так как весь в грязи; Грязнулей, мазулей зовут, если он грязный ходит, и в доме грязно, не прибрано.

Среди формантных частей, регулярно участвующих

в образовании интенсивных прилагательных, следует назвать: -ущий/-ющий, -учий/-ючий, -ящий, -енный, -оватый, пре-, раз-, -явый, -астый, -истый. Приведём примеры метатекстов: Широчушша – сильно широка. Есть матерушша – большой, матёрый. «Такой матерушший», говорят. «Ой, грязнушший какой!» Очень грязный, значит; И питались хорошо, и сильные были, здоровые. Наедятся и бегают. Ребятишки толстучие, краснучие; Однако, старучая она [курица] да жирнючая; У меня дочери таки скупенны, страсть. Чай пьют густенный, я так не могу; Молодые девушки немного дурковатые, молодые девушки немного грубоватые; А ети заварны (постряпушки) хороши-прехороши <…> Вишь, фартуки длинны старинны-престаринны; И спою я песенку разуныбную про свою про жизнь разнесчастную (из песни); Вертявый – это который вертится всё время, крутится. Ещё говорят крутлявый; Брыластый чтоб обидеть и говорят, у кого губы большие, брылы, как у коровы, развесит, губастый такой; Форсистый – который форсит здорово, задаётся что ли, воображает, воображулистый.

Форманные части интенсивных существительных и прилагательных, связанные с отрезком ослабления на шкале интенсивности, намеренно не рассматривались нами. Их синкретичный характер очень часто не позволяет строго разграничить в них семы уменьшительности, ласкательности, снисходительности, уничижительности и т.п. Нередко столь же сложно определить среди них доминирующую. Весьма приблизительное представление в этом отношении предоставляют данные метатекстов: На реку ходить дорога – взвоз называтся. Лавочка, а подальше лавочки взвозик; Азбучку кой-как найдёшь. Мне купили азбуку; Ночью буран пошёл. Буранчик; Держит он домик, а он старенький, вот и домишка. Сараюшка, амбарушка – это плохое или малое; Красивая – баня, а старая – банёшка. Хотя встречаются метатексты, позволяющие более или менее непротиворечиво утверждать о свойственной слову интенсивности. Приведём примеры некоторых из них: Магазинчик – это магазин уже маленький, а еслив магазин большой, дак ето уже скажешь большой магазин; Возовичок – он меньше возовика; Коняшка – маленький, конь – большой. Между компонентами МФ морфологически мотивированных существительных и прилагательных установлены предельно чёткие границы. Подобный тип отношений сегментов МФ охватывает 92 % анализируемых интенсивных слов. Например: МФ: гряз/ина (лексический мотиватор – грязь, структурный – кровина), МФ: сер/оватый (лексический мотиватор – серый, структурный – беловатый); МФ: здоров/ущий (лексический мотиватор – здоровый, структурный – высокущий).

Исключение составляют немногочисленные случаи, при которых наблюдается:

1) десемантизация одного из компонентов морфемной структуры интенсивного слова, например, МФ: гулеван (лексический мотиватор – гулять, структурный мотиватор – хулиган), МФ: камчище (лексический мотиватор – камень, структурный – домище) и др.;

2) наложение сегментов МФ интенсивного слова, например, МФ: голов/а/стый (лексический мотиватор – голова, структурный мотиватор – лобастый), МФ: жар/и/на (лексический мотиватор – жарить, структурный – дождина) и др.

Особых затруднений не вызывает не только обнаружение МФ морфологически мотивированных интенсивных существительных и прилагательных, но и формулировка их МЗ. Значение мотивирующих частей морфологически мотивированных существительных и прилагательных восходит к семантике мотивирующих их единиц. Оно индивидуально и связано с обозначением самых различных предметов и признаков. Значение формантных частей, напротив, обобщённо и направлено на передачу семы ‘интенсивность’ (за исключением немногочисленных случаев: ливень). Сделанные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что значение мотивирующей части морфологически мотивированных интенсивных существительных и прилагательных связано с передачей дифференцирующей функции, а значение формантной части – интегрирующей.

Поскольку сема ‘интенсивность’ имеет предрасположенность материализоваться в структуре значения слова в нескольких разновидностях, во многом обусловленных характером самого объекта, подвергающегося осмыслению в аспекте интенсивности, то и обобщённый вариант МЗ интенсивов также можно представить по-разному. Укажем наиболее типичные обобщённые варианты МЗ морфологически мотивированных интенсивных существительных и прилагательных: ‘сильный Х’, ‘очень большой Х’, ‘тот, <кто> сильно Х’, ‘тот, <кто> много Х’, ‘такой, <к-рый> очень Х’, ‘такой, <к-рый> сильно Х’, ‘такой, <к-рый> очень много Х’ и др., где Х- предмет или признак, интерпретируемый «интенсивно». Обратимся к конкретным примерам: ВФ буранище (МФ: буран/ище, МЗ: ‘сильный буран’), ВФ ножина (МФ: нож/ина, МЗ: ‘большая нога’), ВФ большущий (МФ: больш/ущий, МЗ: ‘такой, <к-рый> очень большой’), ВФ жалючий (МФ: жал/ючий, МЗ: ‘такой, <к-рый> сильно жалит’).

Анализ МЗ морфологически мотивированных интенсивных существительных и прилагательных целесообразно проводить в сопоставлении с лексическим значением (на уровне толкования) соответствующих слов. Правомерность сопоставления разноуровневых значений базируется на наличии свойственных им сходных признаков, к числу которых относятся: внутрисловность, формальная выраженность, индивидуальность [3]. Фактический материал способствовал обнаружению следующих видов отношенний между лексическим и МЗ исследуемых слов.

1. Отношения наложения: пьянущий МЗ: ‘такой, <к-рый> очень пьяный’, лексическое значение: ‘очень пьяный’; предлинный МЗ: ‘такой, <к-рый> очень длинный’, лексическое значение: ‘очень длинный’; глазищи МЗ: ‘большие глаза’, лексическое значение: ‘большие глаза’;

2. Отношения включения: больнючий МЗ: ‘такой, <от к-рого> сильная/о боль/но’, лексическое значение: ‘причиняющий острую боль’; разгустой МЗ: ‘такой, <к-рый> очень густой’, лексическое значение: ‘очень густой, пышный, разросшийся’; мокрота МЗ: ‘то, <что> сильно мокро’, лексическое значение: ‘сильная сырость,

влажность’;

3. Отношения пересечения: беловатый МЗ: ‘такой, <к-рый> немного белый’, лексическое значение: ‘с белым оттенком’; толковящий МЗ: ‘такой, <к-рый> очень толковый’, лексическое значение: ‘очень умный, смышлёный’, ворчунья МЗ: ‘та, <к-рая> много ворчит’, лексическое значение: ‘женщина, склонная к ворчанью’.

В анализируемом материале высок процент интенсивов, между лексическим и МЗ которых зафиксированы отношения наложения (86 %). В этом случае и мотивационное, и лексическое значения содержат указание на интенсивность, с одной стороны, и сам предмет признак, или действие, осмысляемые интенсивно, с другой, без подробного раскрытия сущности последнего. Под обобщённым обозначением предмета или признака обычно подразумевается его проявление в ординарной, иначе говоря, соответствующей общепризнанной норме, мере. Такое толкование значения слова видится наиболее удачным для раскрытия его интенсивности.

Интенсивные существительные и прилагательные могут быть мотивированны семантически, с помощью лексико-семантических средств языка. Однако в целом данный тип мотивации для рассматриваемых слов не характерен. Подобные интенсивные лексические единицы имеют нейтральное основное значение, сема ‘интенсивность’ появляется во вторичных лексико-семантических вариантах благодаря семантической метафоризации слова.

Процесс метафоризации отражает ВФС. Например: ВФ интенсивного слова сухарь (МФ: сухарь, МЗ: ‘тот, <кто> сухой (худой), как сухарь’), ВФ слова трещотка (МФ: трещотка, МЗ: ‘тот, <кто разговаривает > много, словно трещотка’), ВФ слова глист (МФ: глист, МЗ: ‘<человек> худой, как глист’) и др.

ВФ семантически мотивированных интенсивных существительных и прилагательных характеризуется своеобразием как на уровне МФ, так и на уровне МЗ.

МФ таких слов, как правило, насчитывает не более одного сегмента.

Отсутствие формантной части не означает, что для семантически мотивированных интенсивных существительных и прилагательных не свойственна структурная соотносительность. Согласно точке зрения О.И. Блиновой, в случаях с лексико-семантическими вариантами структурная соотносительность прослеживается на уровне не морфо-семантической (характерной для морфологически мотивированных слов), а семантической структуры [3. С. 16].

Пронаблюдаем эту закономерность на примере интенсивного слова море:

море ‘очень большое, как море, количество чего-л.’

океан ‘очень большое, как море океан, количество чего-л.’

капля ‘очень малое, словно капля, количество чего-л.’

МЗ подобных интенсивных существительных и прилагательных включает сегменты как, словно, как будто, указывающие на наличие метафорического переноса. Обнаружение этих компонентов МЗ ведёт к качественному переосмыслению свойств денотата и выявлению семантики интенсивности.

Интенсивные существительные и прилагательные, характеризующиеся морфо-семантическим типом мотивированности, в среднеобских говорах малочастотны.

Как обнаружил анализ материала, ВФ подобных существительных и прилагательных проявляет неповторимое своеобразие в выражении интенсивности. Одновременная актуализация на уровне ВФ метафорического переноса (семантический тип мотивированности) и формантной части, значимой в плане передачи интенсивности (морфологический тип мотивированности), существенно усиливает общий эффект интенсивности, создаваемый таким словом. Например, метатекстовые высказывания диалектоносителей: Когда высокий – оглоблина называется либо жердь скажут, и жердина назовут; А вот когда злой человек, на него говорят: у, злой, как зверь, зверюга! Ну, дык зверь-то злой же, вот к этому-то всё и сходится. Говорят ещё ворюга… позволяют выявить ВФ следующих интенсивных существительных жердина (МФ: жерд/ина, МЗ: ‘тот, <кто> очень высокий, словно жердь’), зверюга (МФ: звер/юга МЗ: ‘тот, <кто> очень злой, как зверь’).

Таким образом, ВФ интенсивных существительных и прилагательных, мотивированных морфологически и семантически, синтезирует особенности ВФ каждого типа мотивированности. Поэтому, несмотря на наличие метафорического переноса, МФ таких интенсивов имеет расчленённую структуру. Сегментирование их МФ, как правило, не вызывает сложностей.

Методика мотивологического анализа предполагает определение видов ВФС. Традиционно различают 4 вида ВФС: лексикализованная / нелексикализованная, метафорическая / неметафорическая, вариантная / невариантная, речевая / узуальная.

В результате анализа видов ВФ интенсивных существительных и прилагательных были сделаны следующие выводы.

1. ВФ интенсивных существительных и прилагательных в преобладающем числе случаев (98 %) является нелексикализованной. Иначе говоря, компоненты ВФ интенсивных существительных и прилагательных хорошо осознаются носителями языка и воспринимаются как взаимообусловленные. Например, как взаимообусловленные осознаются сегменты МФ интенсива голод/уха, о чём отчётливо свидетельствуют показания языкового сознания диалектоносителей: Говорят, сильный голод. Голодуха…Говорят толстуха.

2. 82% интенсивных существительных и прилагательных характеризуется неметафорической, то есть не отражающей отношения подобия, ВФС. Например, МФ: сух/ущий МЗ: ‘такой, <к-рый> очень сухой’; МФ: вон/ища МЗ: ‘сильная вонь’.

Только у 18 % от общего числа выявленных интенсивных существительных и прилагательных наблюдается метафорическая, или отражающей отношения

подобия, ВФС. Например, МФ: воз МЗ: ‘большое, как воз, количество <чего-л.>’; МФ: адский МЗ: ‘такой, <к-рый> страшный (по силе), как ад’.

3. В анализируемом материале высок процент невариантных ВФ (71 %), представляющих собой вид ВФС, МФ и МЗ которых не подвергаются видоизменениям. Например: МФ: рас/счастливый МЗ: ‘очень счастливый’; МФ: ис/приветливый МЗ: ‘очень приветливый’; МФ: быч/ина МЗ: ‘большой бык’; МФ: пыл/ища МЗ: ‘сильная пыль’. Вместе с тем выявлено значительное число интенсивные существительные и прилагательные, ВФ которых содержит варьирующие компоненты (29 %). Установлено, что причиной варьирования ВФС во всех зафиксированных случаях является мотивирующая часть, обнаруживающая связь с несколькими мотивирующими единицами.

Среди вариантных ВФ принято разграничивать собственно вариантную ВФ и вариативную ВФ. Вариантная ВФ характеризуется различиями либо в МФ, либо в МЗ. Вариативная ВФ отличается различиями как в МФ, так и в МЗ [9].

Приведём пример собственно вариантной ВФ интенсивного слова:

ВФ1 – МФ: мокр/о/та (лексический мотиватор: мокро, структурный: сухота), МЗ: ‘<когда> сильно мокро’;

ВФ2 – МФ: мокр/ота (лексический мотиватор: мокрый, структурный: сухота), МЗ: ‘<когда> сильно мокрый’;

ВФ3 – МФ: мокрота (лексический мотиватор: мочить, структурный: сухота),

МЗ: ‘<когда> сильно <на>мочили’

Пример вариативной ВФ интенсива:

ВФ1 – МФ: падера (лексический мотиватор: падать), МЗ: ‘[ветер], <от к-рого> падают’;

ВФ2 – МФ: падера (лексический мотиватор: драть), МЗ: ‘[ветер], <к-рый> дерёт’.

В вышепредставленных парадигмах ВФ интенсивов мокрота и падера отражены различные речевые их актуализации. Инвариантом всех речевых актуализаций одного интенсивного слова выступает узуальная ВФ, объединяющая их воедино.

Итак, проведённый анализ показал, что ВФ интенсивного слова обнаруживает определённое своеобразие в плане репрезентации семантики интенсивности.

1. В структуре ВФ интенсивного слова на выражение семантики интенсивности направлены:

– формантная часть (внутренняя форма морфологически мотивированных интенсивов);
– мотивирующая часть, отражающая метафорический перенос (ВФ семантически мотивированных интенсивов);
– формантная часть и мотивирующая часть, отражающая метафорический перенос (ВФ интенсивов с морфо-семантическим типом мотивированности).

2. Наиболее распространённым для интенсивных существительных и прилагательных является морфологический тип мотивированности. Сема ‘интенсивность’ в МЗ подобных слов обусловлена интегрирующим значением их формантных частей.

МЗ семантически мотивированных интенсивных существительных и прилагательных включает сегменты как, словно, как будто и т.п., указывающие на наличие метафорического переноса. Их обнаружение ведёт к качественному переосмыслению свойств денотата и выявлению семантики интенсивности.

МЗ интенсивов с морфо-семантическим типом мотивированности синтезирует особенности МЗ морфологически и семантически мотивированных существительных и прилагательных.

3. Компоненты ВФ интенсивного слова в преобладающем большинстве случаев осознаются носителями диалекта как взаимообусловленные. Значительная часть рассмотренных слов характеризуется неметафорической и невариантной ВФ, позволяющей непротиворечиво выявить семантику интенсивности.

Статья выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ и государственной поддержке ведущих научных школ (НШ – 1736.2003.6) и гранта РГНФ (№ 03-04-00427 а/Т).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – С. 3–23.
2. Блинова О.И. Лексико-семантическая категория и – свойство слова // Русские говоры Сибири: Семантика. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – С. 11–21.
3. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект: Учебн. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 192 с.
4. Бельская Е.В. Роль внутренней формы в выражении семантики интенсивности (на материале Вершининского говора) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 125–133.
5. Бельская Е.В. Особенности внутренней формы интенсивных глаголов (на материале «Полного словаря сибирского говора») // Молодёжь и наука: Проблемы и перспективы развития русистики. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 1999. – Т. 2. – С. 43–45.
6. Бельская Е.В. К вопросу о внутрисловных средствах выражения категории интенсивности (на диалектном материале) // Молодёжь, наука и образование: проблемы и перспективы. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2000. – Т. 2. – С. 73–78.
7. Адилова А.Д. Основы мотивологического анализа: Учебн. пособие. – Кокшетау: Изд-во Кокшет. ун-та, 1999. – 257 с.
8. Блинова О.И. Русская мотивология: Учебн.-методич. пособие. – Томск: Томск: Изд-во Том. ун-та 2000. – 48 с.
9. Блинова О.И. Вариативность как предел варьирования внутренней формы слова // Явление вариативности в языке. – Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 1997. – С. 16–27.